

И.В.Онучина,

Каргопольский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

ОБРАЗ КАРГОПОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К.А.ДОКУЧАЕВА-БАСКОВА

Карп Андреевич Докучаев-Басков (1849—1916), каргопольский и олонецкий краевед, всю свою жизнь посвятивший изучению монастырей и храмов Каргополя, не оставил в своем наследии целостного описания Каргополя. Однако в 1913 г. в Известиях АОИРС (Архангельское об-во изучения Русского Севера) за фамилией Докучаев-Басков выходит очерк о Каргополе с яркими, живыми зарисовками с натуры. Принадлежит очерк перу сына Карпа Андреевича Философу Карповичу, взявшего псевдоним отца.

Нельзя сказать, что Каргополь был вне круга научных интересов Докучаева-старшего. Карп Андреевич живо интересовался «древностями» Каргополя, в своих работах обращался к отдельным эпизодам истории города. Собственно Каргополю - его православным святыням, церквям и монастырям, а также промышленности местного купечества - посвящены 5 его статей. В других работах и письмах мы встречаем отдельные реплики на те или иные события Каргополя.. Заметим, что К.А.Докучаев в нашем городе прожил почти всю свою жизнь. Здесь он родился, здесь и похоронен. Он уезжал отсюда совсем ненадолго с 1875 по 1882 г., сначала, когда учительствовал в Кенской волости Каргопольского уезда, а затем жил в Петербурге. Возвращение из столицы было вынужденным. Вторую часть своей жизни в Каргополе Докучаев проживет непросто. Скорби и лишения будут постоянными его спутниками: смерть жены и младшего сына, вскоре последовавшие по возвращении, скитания по квартирам, болезни, не просто бедность, а нищета, наконец, смерть дочери. К этому добавлялись переживания в связи с замалчиванием его имени другими исследователями, нарушением его авторских прав, запретом светских и церковных властей Каргополя работать в архивах. Несмотря ни на что, Докучаев писал и издавал свои работы вплоть до последних своих лет.

Одна из книг
К.А.Докучаева-Баскова
о Каргополе.
Переиздана в 1996 г.

Попытаемся воссоздать образ Каргополя таким, как его видел, знал и чувствовал наш исследователь, образ города с его историческим прошлым, с обычаями, традициями, нравами горожан.

Каргополь «ветхий деньми северный старец ... находясь на пути в земли Поморские ... ворочал всем торговым севером и был единственным во всех

отношениях городом в этом краю» — так пишет о древности Каргополя К.А.Докучаев-Басков. Знатность каргопольских воевод и то, что за 80 лет (1619—1698) их перебивало 40, продолжает он, свидетельствуют о значении и богатстве города.

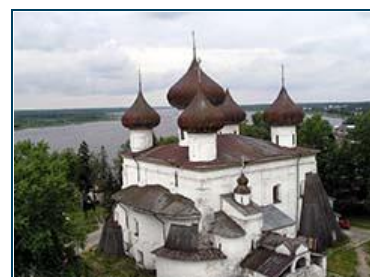
Вид на Старую торговую площадь.

Слева направо: Владимирская церковь, храм Рождества Богородицы, вдали Соборная площадь, ближе - церковь св.Николая, колокольня и Благовещенский собор (фото XIX в. из книги Г.В.Алферовой).

Достоинством Каргополя, и сейчас и тогда, были православные храмы. В конце XIX в., не считая монастырских и домовых, в городе насчитывалось 17 церквей. И сейчас и тогда поражало их обилие. Отчего в таком небольшом городе построено такое множество храмов — задается вопросом и отвечает на него исследователь. Он дает нам описание 3-х городских приходов: Христорождественского, Предтеченского, Владимирского. Их выбор не случаен. Храмы первых двух приходов хранили почитаемые иконы, городские святыни. К тому же Христорождественский собор — единственный соборный храм и самое древнее сооружение Каргополя. Владимирская церковь не пострадала от разрушительного пожара 1765 г. и сохраняла наибольшее количество старинных рукописей.

Внешний облик храмов, их интерьер, убранство Докучаев-Басков описывает скупно, без эмоций, не делая акцентов на декоре и иных художественных особенностях.

Наиболее подробную характеристику дает он Христорождественскому собору, «славе и гордости древних каргопольцев». Каменные укрепления стен — контрфорсы, изменившие очертания храма, по его словам, «отняли много красоты... от памятника русского творчества». Описывая центральный и пристенные иконостасы верхней церкви, обращает внимание на резных ангелов по углам 4-х столбов. Как особенность нижней зимней церкви Докучаев отмечает каменные

Христорождественский собор. Фото 2005 г.

престолы. Он говорит, что в соборе был ранее портрет Ивана Грозного с надписью о возведении храма и — царя Алексея Михайловича, написанный в связи со строительством придела в честь небесного покровителя государя. Автор называет посвящения всех 8 престолов верхнего и нижнего храмов, указывая те, что были до известного пожара и в современное ему время. Между именованиями престолов есть отличия. Перечисляет названия всех икон в местном ряду главного иконостаса XVIII в., но не отмечает среди них наиболее ранних (Рождество Христово XVI в. и Богоматерь Тихвинская XVII в.). Не отмечает он и почитаемый образ Богородицы Тихвинской, обрамленный рамой с изображением чудес, украшенный сенью и расположенный на правом столпе от входа, как в Успенском соборе Тихвина.

Главную святыню собора, пишет Докучаев, составляет чудотворный образ Владычицы. «На лицевой стороне (2-го левого) столпа на тумбе ... в киоте ... чудотворный образ Казанской Божией Матери, длиною 4, шириною 3,5 вершка, на нем риза со стразами и вставками и венец серебряные, чеканные золоченые; кlobучец у Богоматери и цата ... низаны жемчугом. Кругом того образа ... писаны красками акафисты Иисусу и Богородице...» Чудо, случившееся в 1714 г., и происшедшие исцеления от образа были записаны и хранились в соборе, здесь же была и грамота новгородского митрополита Иова об освидетельствовании чуда. Сохраняя память о событии, автор приводит фрагменты текстов.

Другие почитаемые иконы были в деревянной церкви на Валушках, приписанной к Предтеченскому приходу и называемой в народе «Спасский Спас». Краевед никак не объясняет необычное название. Вероятно, эту церковь надо было как-то отличать от стоящей недалеко каменной Спасской церкви (в честь Спаса Всемиловитового) Воскресенского прихода. Главный престол «Спасского Спаса», сообщает Докучаев, во имя иконы Божией

Матери «Всех скорбящих Радость». Аналогичную информацию мы находим в рукописи священника В.Попона (1832). Между тем, церковь и по документам писалась Спасскою. В ней находился чудотворный образ Спаса Нерукотворного. Икона Спасителя размещалась в приделе, ему посвященном. В храме находился образ св. мчч. Бориса и Глеба (ныне в собрании Каргопольского музея). Замечателен был он не богатством украшений, отмечает Докучаев, а как памятник совершенного этими угодниками чуда, и далее воспроизводит запись в нижнем поле иконы, повествующую о спасении святыми Каргополя от пожара. Эту икону и еще несколько, наиболее ранних, а также с редкими сюжетами, указывают в своих отчетах В.И.Срезневский (1902) и Ю.А.Олсуфьев (1932). Чудотворных

Церковь Спаса на Валушках
Рис. Е.Н.Советовой, 1922 г.
Из книги Г.В.Алферовой.

икон ни тот, ни другой не называют. С одной стороны, это говорит о различных задачах, стоявших перед исследователями, с другой — о мировоззрении. Иконы для К.А.Докучаева, как и любого православного человека, не просто церковные древности, но — святыни. Однажды, освящая свой дом, он брал из собора чудотворную икону Богоматери Казанской.

К.А.Докучаев обрисовывает некоторые церковные традиции, в частности, крестных ходов. Помимо Пасхи, крестным ходом ходили в храмовые праздники от Христорождественского собора к церкви-имениннице или Успенскому монастырю. Были и особенные, встречавшие и препровождавшие святыни. Так, горожане встречали в 1652 г. мощи митрополита Филиппа, в 1714 г. чудотворный образ Казанской Божией Матери, возвращенный из Новгорода после освидетельствования и др.

Из ряда приведенных документов видны обычаи, связанные с церковным строительством, похоронными обрядами. Обратим внимание на венчальные «памяти». В одной из них, помимо обязательной формулы о сыске кровного родства или кумовства и крестного братства, поручается священнику: «взял бы поруку что б жениху с невестою... вместе спать не велели...». Цитируя документ, автор тут же поясняет, что в прежнее время даже в самом Каргополе, не только в уезде, «жен умыкаху». Свадьбы «уходом» бытовали вплоть до первых десятилетий XX в., существовал обычай увода невест на Троицын день. Невеста иногда жила в доме жениха до венчания по целой неделе, и предупреждение священника было не лишним. В другом случае, когда жених венчается вторым браком, в венчальной «памяти» обращается внимание на другое обстоятельство: «А невеста венчати девицею, а крутить [надевать головной убор женщины. – К.Д.-Б.] после венчания». Документы эти свидетельствуют, что отступления на самом деле бывали.

Приведенные Докучаевым факты основаны на подлинных документах. Он трепетно относился к источнику. Был знаком с монастырскими и церковными архивами Каргополья. К сожалению, целостность архивов и библиотек с течением времени нарушалась. Карп Андреевич приводит факты продажи книг «з братцкого совета» из Каргопольского Спасского монастыря в XVI в. или, наоборот, самовольной продажи «раскольникам старонаречных церковных книг священником Пятницко-Владимирского прихода в XVIII в.. Это усугубилось в современное краеведу время на волне возросшего интереса к старине. Все древние архивные дела городского Спасо-Преображенского монастыря были затребованы в 1870 гг. в канцелярию архиерея. В.И.Срезневский подтверждает, что от богатой монастырской библиотеки остались одни крохи. Дело о пожаре (1765), пишет Докучаев, было отослано в Губернский статкомитет, а подлинная грамота Ивана

Грозного, хранившаяся до 1892 г. в городской управе, была увезена высокопоставленным лицом в столицу. Докучаев деликатно не называет имени одного из Романовых, Вел. князя Владимира Александровича.

Пытаясь сохранить памятники письменности, исследователь делал с них списки и публиковал. Он издал практически все хранимое во Владимирско-Пятницкой церкви Каргополя собрание свитков. Эти источники позволяют нам выстроить историю бытования одного конкретного храма — Владимирского, к настоящему времени утраченного. Вот она. Первый Пятницкий храм (во имя святой великомученицы Параскевы) построен в 1536 г. Через 95 лет (1631) церковный староста, посадский человек Никита Булатов получил разрешение на починку храма. Спустя 20 лет (1651) каргопольцы Иван Кондаков и Федор Пометяев желают поставить новый храм, но во имя иконы Божией Матери Владимирской, а Пятницким сделать придел. Старый храм был разобран и на его месте через 2 года поставлен другой, а за церковью закрепилось двойное название Пятницко-Владимирская. В 1707 г. прихожане пристроили к нему теплый храм во имя прп. Актония Римлянина. В 1824 г. иждивением каргопольского купца Петра Ильина Насонова храм перестроен: придел Актония Римлянина разобран, шатер снят, вместо него на крыше поставлено 5 луковичных глав, крыша и главы покрыты железом, стены обшиты тесом и выкрашены белой краской, с трех наружных сторон установлены колонны. Храм снова стал холодным. В 1880-е гг. постройку вновь перебрали до основания, убрали колонны с южной и северной сторон. Такой церковью и оставалась до своих последних дней, вплоть до 1930-х гг. Таким образом, церковь на протяжении столетий меняла не только свой внешний облик под влиянием времени, но и посвящения престолов в зависимости от желания заказчиков.

Каргопольские церкви строились и содержались на средства, прежде всего, местного купечества, но не только. К.А.Докучаев-Басков передает имена некоторых благотворителей. Братья Степан и Андрей Федоровы Пометяевы, сыновья Федора Пометяева, строителя Владимирской церкви, возводят каменный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы (1678-1682).

Кладбищенская церковь Феодора Стратилата, последняя из построенных в Каргополе церквей (1864), строилась на средства купца Ив. Петр. Насонова и после его смерти завершена его женой У.Насоновой. Каргопольцы делали свои вклады и в различные монастыри уезда. Эти примеры мы тоже видим у Докучаева, в том числе пожертвования священника Герасима Анфимова, двух каргопольских воевод Григория Аничкова (1654) и Евстафия Зыбина (1660—1661). Наиболее интересна Вкладная книга Каргопольского Спасо-Преображенского монастыря XVI—XVIII вв., выдержки из которой публикует Докучаев. Из нее мы узнаем, что в XVI в. нередко делались вклады солью («рогожа соли»), не раз жертвовалось

«судно соловозное», «судовье под товарину» и др. Среди вкладчиков монастыря встречались заонежане, важане, новгородцы, повенчанин, галичанин, угличанин и др. Это косвенным образом характеризует специфику торговых отношений каргопольцев.

В XIX в. об обширности прежней торговли каргопольцы забыли. Жители города «снискивают пропитание от рыбной ловли, содержания постоянных дворов, некоторые от земледелия; большинство же мещан с великим трудом приобретает себе скудную, черствую корку хлеба от обработки белки». Сведения о промышленности Каргополя Докучаев «почерпнул из собственной практики и рассказов достовернейших людей». Он использует свои наблюдения и воспоминания старожилов. Эти материалы собраны им в период его обучения ремеслу. Купцы закупали шкурки белки на различных ярмарках, держали беличьи мастерские, где выполнялась основная часть работ, сбывали на оптовой Макарьевской ярмарке, а также в Санкт-Петербурге готовую продукцию — беличьи меха. Статистика исследователя о количестве работающих, их заработке, количестве продукции не расходится с официальной. По его прикидкам, в 1870 г. 175 мастеровых-мужчин профессионально занимались выделкой мехов, общее число же всех работающих находилось в пределах 1300—1500, большую часть среди которых составляли швеи, численность которых точно учесть было невозможно, поскольку работали все женщины семьи. Число промышленников на протяжении XIX в. колебалось от 13 до 9—10 семей. Перерабатывалось белки (1860—1870) до 2 млн. штук.

Десять лет спустя заговорили об упадке промышленности: сократилось вдвое число промышленников (до 5—6), численность работающих в беличьих мастерских до 60 против 200 (не включая надомников: швей и скорняков). Количество обрабатываемых шкурок — до 1 миллиона штук (1880—1881) против 2—2,5 млн. ранее. В 1906—1907 гг. зарегистрировано 8 мастерских (3 из них в деревнях), которые обрабатывали белки до 800 тыс. штук. Конкретные факты позволяют вам сделать выводы о наметившихся в ведущей отрасли промышленности Каргополя тенденциях, которые в начале XX в. обозначатся более явно: падение производства, выход беличьего промысла за пределы города и открытие мастерских в деревне, все большее вовлечение в качестве рабочей силы крестьян, стремление мещан найти другой источник существования. Участвовали в промысле крестьяне ближайших к городу волостей. Скорняжную работу выполняли в Павловщине, Надпорожье, Саунино и Пойге. Большинство женщин-швей были из Большой Шалги. Сложилась даже поговорка «Как шальских баб на перевозе» (волость Большая Шалга расположена на правой стороне Онеги, на противоположном берегу по отношению к городу). Городские мастерицы составляли шестую часть всех швей. Шили беличьи меха в Саунино, Пойге (Волковское общество), Павловщине, меньше в Надпорожье, Ольге, Ловзанге. В беличьих мастерских города

работали и мещане и крестьяне, но первых было большинство, и наш автор невольно обращает внимание на их взаимоотношения. Мещане по своему положению считали себя выше крестьян. Для крестьян работать белку — дополнительное занятие, и с началом полевых работ многие возвращались к своим наделам. Мещане же считали земледелие самым тяжелым трудом и не занимались им, а только лишь огородничеством для своих потребностей. Если годичный круг работ в мастерской заканчивался раньше обычного, горожане либо уходили на тягу судов на Мариинскую систему, либо предпочитали ничего не делать, по образному выражению, «пинать в полы» и жить «день голодом, а два не евши». Мещане были почти все грамотными, крестьяне, в основном, нет. Наиболее показательны взаимные прозвища. Мещане называли крестьян сивобрюхами, толстоногими, сиволапыми (из-за более плотного телосложения и грубой обуви.-И.О.) пилатами, распяниками (из-за скупости.-И.О.)). Крестьяне же их — «мещанишками» и другими обидными прозвищами, которые Докучаев опускает. Таким образом, налицо выражена сословная обособленность одних от других. Но, тем не менее, их объединяли совместный труд, чтение книг и исполнение песен во время работы (исполняли городской репертуар), совместные трапезы (варили и ели уху, пили чай в мастерской). Рыба в Каргополе, по словам Докучаева, была основным продуктом на столе бедных из-за дешевизны. Более же всего объединяли всех мастеровых православные традиции. Во время Великого поста, например, пели покаянные и другие духовные стихи. В Страстной Четверг заканчивали работу и расходились по домам. Возобновляли ее на Светлой Седьмице. В эти дни, вначале без умолка, но постепенно стихая, звучали пасхальные тропари и стихиры вплоть до Вознесения.

Весь цикл работ встраивался в церковный календарь. Крупную работу делали с началом Великого поста до Петрова дня, затем остальную. Последняя прерывалась на несколько недель на жатву после Ильина дня и сбор рыжиков около Успения. Ненароком Докучаев упоминает, как собственно отмечались в городе праздники. В Рождество и Новый год мастеровые обязательно шли с поздравлениями в дом мастера, а затем хозяина. В середине позапрошлого века в течение нескольких лет работники купца И.Насонова представляли на Рождество отрывки из «Аскольдовой могилы», собирая множество зевак. Летом 1865 г. такое представление было устроено прямо на реке, возле острова Воскресенский, для посетившего Каргополь посла Франции. Народные гуляния на пристани, позже на мосту, бывали первые три дня Петрова поста. В них участвовали все жители города, безмолвно прогуливаясь взад и вперед почти всю ночь. Во второй половине XIX в., помимо традиционных праздников, у молодежи стали входить в моду вечеринки. На них вместо традиционных народных игр «Ковер», «Во городе царевна» (у С.П.Кораблева) появились танцы — кадрили и лансе. Изменения происходили и в одежде, прежде всего женской. Молодые люди, проявляя

большой консерватизм, на *гостьбы* продолжали ходить в длиннополых сибирках, девицы же стали шить, а чаще перешивать платья по новой моде, носить шиньоны, «хотя никакая из них не дерзает наложить шляпку на голову свою». В этом явно читается намек опять же на сословные различия между простыми мещанами и Высшим обществом.

Менялась не только мода, события приносили изменения в устоявшийся порядок жизни. Всякая новизна сразу же сказывалась на ценах. В 1860-е гг. в Каргополе возобновляется винокурение. По свидетельству К.А.Докучаева-Баскова, открывшиеся заводы «как саранча пожирают как местный, так и привозной хлеб», что повлекло значительное повышение цен на него. В связи с осуществлением проекта Мариинской водной системы и устройством шлюзов на реке Свиди в Каргополе появился первый пароходик Берг, вызвавший удивление и любопытство у каргополов, но при этом сильно выросли и цены. Например, цена на местную рыбу поднялась почти вдвое. Строительство железной дороги и наплыв железнодорожников в Каргополь (инженеры-путейцы, строившие дорогу в малонаселенной части уезда, жили в Каргополе. — И.О.) опять же вызвали дороговизну «страшную»: «...квартиры вздорожали более, чем в три раза, мясо в два, яйца в четыре....» К слову сказать, власти не были безучастны к проведению дороги, как говорит устное предание о городском голове. Докучаев пишет, что земство выходило с ходатайством перед железнодорожной компанией о проведении дороги через Каргополь. Но последняя запросила сумму в несколько десятков тысяч рублей, и по причине дороговизны железную дорогу через Каргополь строить не стали.

Краевед передает историю банка, получившего имя Тельнихинского в честь петербургского купца, уроженца Каргополя Ивана Семеновича Тельнихина. Он завещал каменный доходный дом в Петербурге мещанскому обществу Каргополя. Вырученные средства согласно духовному завещанию должны были идти на бедных. денег было больше, чем уходило на содержание богадельни. Через 15 лет после смерти купца (1864) на полученные доходы был учрежден банк. Докучаев этим фактом сильно возмущался, считая, что тем самым деньги украли у неимущих.

О быте и нравах своего времени К.А.Докучаев сообщает в письмах к издателю И.Е.Троицкому. Он пишет о первых старообрядцах-странниках (один из толков старообрядчества, распространившийся в Каргопольском уезде с середины XIX в.), каргопольце Коршунове, его дочери и др. Его версию в XX в. подвергает сомнению вышедший из этой среды М.И.Залесский. Делится своими ощущениями в связи с пожаром в духовном училище. Сообщает о проезде через Каргополь в Архангельскую губернию Иоанна Сергиева (И.Кронштадского). В переписке он более откровенен. Мы видим его резкую оценку нравам в среде учителей, священников, монашества.

Таким рисуется нам Каргополь и его жители в представлении К.А.Докучаева-Баскова. Эта картина собрана нами из мозаики его текстов: опубликованных и неопубликованных статей и писем. Картина получается, хотя и не полной, но цельной, живой, с соответствующими акцентами. Наряду с историческими сведениями в ней присутствует то, что было понятно и дорого простому народу. Это ценное свидетельство прошлого. В совокупности с другими оно помогает воссоздать достаточно полное представление о Каргополе в его исторической ретроспективе. Можно лишь сожалеть, что Карп Андреевич описал малую часть храмов, не завершил публикацию о городском Спасо-Преображенском монастыре. За рамками его интересов осталась мифология Каргополя (лишь коснулся преданий о названии города).

Главным источником исследований К.А.Докучаева-Баскова были памятники письменности. Цитируя документы, он стремился соотнести их с другими источниками, найти ответы в научной литературе. Был предельно добросовестен как исследователь и требователен к достоверности печатного слова. Таким он вошел в историю Каргополя и сам стал ее частью. (из сборника "Уездные города России", Каргополь, 2009 г.)

На странице использованы иллюстрации из книги Г.В.Алферовой "Каргополь и Каргополье", Стройиздат, 1973